

A romantic couple embracing in front of a wooden house. The man, with dark brown hair and a slight stubble, is wearing a dark blue button-down shirt and has his arms around the woman. The woman, with long, straight brown hair, is wearing a light-colored top and is looking directly at the camera. The background shows a rustic wooden house with a dark roof and some greenery.

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

26 суток

с тобой

Пелевина Катерина

26 суток с тобой

«Литнет»

2024

Катерина П.

26 суток с тобой / П. Катерина — «Литнет», 2024

Сколько себя помню мы дружили... Столько же не понимали друг друга. Ругались – мирились. Обижались – прощали. Моя больная безудержная безбашенная любовь... Гордей Яровой. Три «Б» и все такие важные... Сейчас нам по девятнадцать лет. За всю историю нашей дружбы мы достали друг друга настолько, что перекрыт доступ к кислороду. Он наконец сознался мне во всём, а я – нет. Для меня это удар ножом в сердце. Ведь если признаюсь и я, то дружбе раз и навсегда конец. В один из дней он поставил мне условие. Он увезёт меня далеко-далеко. А куда именно, никто кроме нас не будет знать. Запрёт нас в одном доме, где у меня наконец будет время понять, что я к нему чувствую, а не убегать от этого. Без права уйти или сбежать, как трусихе, как я обычно это делаю. Выйти отсюда можно только с принятым сердцем решением. Если я сломаюсь – он отпустит, но больше никогда со мной не заговорит. Маски сброшены, уже не о чем спорить. Мы с ним в той самой глуши, в самой гуще леса за пятьсот километров от нашего родного дома и уже сходим с ума рядом друг с другом... Но страшно не это... Страшно, что в итоге, мы в этом доме окажемся не одни... Содержит нецензурную брань

© Катерина П., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	20
Глава 4.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пролог

Раз, два, три. Девочка, беги.

– Гордей, выпусти меня, я передумала!!! Выпусти! Живо выпусти!

Он смотрит на меня столь странно, что все внутренности сводит жуткий болезненный спазм. Я знаю, что перегнула. Знаю, что больше некуда бежать. Наконец нужно сделать чёртов выбор. Но сейчас больше всего на свете я хочу оказаться у себя в комнате, а не в этом проклятом ненавистном доме. Лежать с закрытыми глазами, натянув покрывало на голову, и тихо плакать себе под нос...

Плакать, не сдерживаясь, потому что я его буквально ненавижу!

Вероятно, он бы снова обозвал меня нытиком, и возможно был бы прав, но как справиться с эмоциями, когда вся жизнь рушится на твоих глазах как грёбанный картонный домик!

– Ты помнишь, что выйдя отсюда, больше никогда меня не увидишь. Помнишь, Жарёха?! Ты это помнишь, блядь?! – остервенело кричит он, утирая с лица капельки воды и крови, а потом достаёт с верхней полки маленькую шкатулку, откуда вынимает злосчастный ключ.

Так вот, где он всё это время его прятал...

Услышав желанное бречание в воздухе, ещё сильнее перехожу на дрожь.

Мускулистая загорелая рука протягивает его мне, а я трясусь, зависая в четырёх метрах от него. Вот она – свобода. Хватай и беги. Беги и несись со всех ног! Это самое разумное, что ты можешь сделать, Милана!

Но я не могу...

Не могу...

Стою, как вкопанная, и не могу даже шевелиться. Язык прилип к нёбу. Сердце стучит как бешенное и расходится по швам. Мороз, что пробежал по коже, становится камнем и начинает причинять физическую боль. Я костенею у него на глазах. Покрываюсь твёрдой корой. Очерствляюсь.

Пока внутренний голос упорно твердит мне обратное.

Будь мягче... Будь нежнее... Будь ему всем, как и было раньше.

Я ведь не смогу без него...

Гордей... Мой Гордей Яровой... Мой Гор-Яр...

Моё Яркое Солнце, а я его Жар-птица...

Когда мы ругаемся, он называет меня этим дурацким «Жарёха», да выплёвывает это так пренебрежительно, что я ненавижу свою фамилию!

Тринадцать лет. Мы дружим тринадцать лет. Он – мне брат, он – мне друг. Он мне – всё.

Как я могу отказаться? Как могу уйти и бросить его здесь?

Даже если сгорю рядом с ним дотла, не оторвусь. Мы физически связаны.

Как же он может?! Как может, чёрт возьми?!

– Зачем ты это придумал?! – налетаю на него с кулаками. – Зачем ты всё сломал?! Зачем ты всё это устроил!? Ты хоть понимаешь, что всему конец?! Нашей дружбе конец! Всему!

Его нервно трясёт, а на фоне этого вырывается дикий смешок, прерывающий мои крики своим осуждением.

– Да не было, блядь, никакой дружбы! Дура, какая же ты дура, Лана! Её, нахуй, никогда не было, и ты это знаешь!

По щекам бегут слёзы. Сдерживаться больше не имеет смысла.

Зачем? Почему? Зачем он так говорит?

Господи, как же больно.

В ушах звучит могильный звон. Похороны наших тринадцати лет...

Я держу в руках венки нашей с ним дружбы, умираю, задыхаюсь, скольжу в пучину пропасти и не могу остановиться.

– Я всегда тебя любил, всегда был рядом, как ретивый щенок. Но больше нет, Ланка... Я больше не вынесу. Ты сожрала мне весь мозг! Вынула, сука, сердце! Сломала меня хуже, чем тот конструктор, который мы, блядь, так и не смогли собрать. Во мне деталей не хватает, ты всё поломала! Всё, блядь! И не строй из себя невинную овечку, не строй, слышишь?! Хочешь уйти – вали! Вали к своему грёбанному Алёшеньке, и пусть он приходит, когда тебе плохо. Пусть он подтирает тебе сопли, пусть, сука, хоть раз поймет, какая ты внутри и в край ебанётся, как это сделал я!

– Заткнись! Заткнись!!! Заткнись!!! Как же я тебя ненавижу! – сношу его с ног и начинаю лупить кулаками. Не смотрю куда бью, наверное, он намеренно падает, чтобы я сильно не поранилась, как и всегда. Ведь я физически не могла бы его уронить. Я в два раза меньше его. Он придерживает меня на себе, лёжа на полу, а я всё продолжаю наносить нисходящие удары. – Ненавижу тебя, Гордей! Ты – сволочь! Будь проклят тот день, когда мы встретились!

– Взаимно, нахер, Милана! Взаимно! – его ладони срываются на моей пояснице. Я слышу всхлипывания, но ещё не понимаю, что их издаю я. Опадаю корпусом на его литые мышцы. Уткнувшись носом в его до нитки промокшую футболку, бесцеремонно заливаю её слезами и соплями. От каждого нового свистящего вдоха, дышать становится всё сложнее, хоть пространство вокруг и заполняет мой любимый запах. Запах, от которого я успокаиваюсь. Аромат Гордея, кофе и мятной жвачки. Чудовищный коктейль, рецепт личного забвения.

Это жестокий лабиринт. Мы в нём вместе... Нам просто нужно как-то выбраться...

Плечом к плечу, бок о бок, как и раньше... Прикрывая друг друга, спасая, защищая...

Если он уйдёт от меня, если мы перестанем общаться – я умру...

Липко... Как же мне липко представлять, что он может просто бросить меня. Что он может не разговаривать, что он может игнорировать. Уйти...

От меня...

Я затаихаю у него на груди, и у меня самой разрывает грудную клетку. Мириады точек внутри активизируются. Если бы можно было сейчас взорваться, я бы, пожалуй, так и сделала. А причиной тому всегда будет – он...

Сколько себя помню мы дружили... Столько же не понимали друг друга. Ругались – мирились. Обижались – прощали.

Моя больная безудержная безбашенная любовь...

Гордей Яровой. Три «Б» и все такие важные...

Сейчас нам по девятнадцать лет. За всю историю нашей дружбы мы достали друг друга настолько, что перекрыт доступ к кислороду. Он наконец сознался мне во всём, а я – нет. Для меня это удар ножом в сердце. Ведь если признаюсь и я, то дружбе раз и навсегда конец.

В один из дней он поставил мне условие.

Он увезёт меня далеко-далеко. А куда именно, никто кроме нас не будет знать. Запрёт нас в одном доме, где у меня наконец будет время понять, что я к нему чувствую, а не убегать от этого. Без права уйти или сбежать, как трусихе, как я обычно это делаю. Выйти отсюда можно только с принятым сердцем решением.

Если я сломаюсь – он отпустит, но больше никогда со мной не заговорит.

Маски сброшены, уже не о чем спорить.

Мы с ним в той самой глуши, в самой гуще леса за пятьсот километров от нашего родного дома и уже сходим с ума рядом друг с другом...

– Он, блядь, знает, что я тебя трогал? Что ты меня? Что мы, сука, видели друг друга голыми!? – Гордей закапывает глубже своими вопросами, вынуждая вспоминать каждый странный интимный момент между нами. Каждую, как казалось тогда, ошибку...

– Не полностью голыми! – поправляю я в истерике.

– Какая, нахуй, разница?! Одно и то же! Какая здесь, блядь, дружба?! Ну скажи, какая?! Когда тебе хуёво, ты звонишь мне. Когда тебе хорошо я всегда рядом! Когда проблемы – Гордей, разгребай! Да ты уже заебала меня в край, Милана, в край! Своими метаниями, своим скулежом! Если сейчас не поцелуешь, блядь, я реально за себя не ручаюсь! – рычит, свищет, агрессирует как дикий зверь перед броском. А я неумолимо отвечаю ему тем же.

– Да пошел ты, Солнышко! Пошёл на хрен! – выпаливаю, сжимая в кулаки ткань его футболки.

Не сбегая с него. Нет. Так и сижу, как упали.

Смотрю на него сверху вниз, ощущая, как между ног разрастается огненный шар. С каждой секундой он становится всё больше и больше, и, кажется, что сейчас сожжет меня моё Яркое Солнышко дотла, и так было бы лучше. Чтобы больше ничего не чувствовать.

– Ты ведь тоже хочешь этого. Я, блядь, чувствую. Не тупой. Что творится в твоей бедовой башке, не понимаю, – хмурится он, облизывая пересохшие растрескавшиеся губы. Губы, которые всегда манили меня своей требовательностью. – Мы давно не дети. И не друзья вовсе. Нельзя, блядь, дружить, когда у одного из вас сиськи, сто раз тебе говорил!

– Замолчи лучше, а не то я прихлопну тебя как чёртову муху! – из меня извергается пламя. Думать рядом с ним всё сложнее. Всегда было сложно, но сейчас – особенно. Он же, как опиат, всех здравых мыслей лишает. Не даёт сконцентрироваться. Сильнее сжимает руки на моей талии. Тянет к себе.

– Иди сюда, блядь, Жар-птица, гореть будешь, – сокращает расстояние между нами.

Снова остаются считанные сантиметры, а за ними – будто бесконечность.

Почему мы не можем быть нормальными? Почему не можем быть как все? Два идиота, которые вечно треплют друг другу нервы.

– Не ссы ты, Лана. Целуй меня. Хули нам терять уже? Углы все сточены... От нас ни хрена не осталось.

– Не говори так... Пожалуйста, Гордей, не говори... – задушено, взывающе прошу, рвано примыкая к его губам своими. Поцелуй не первый. Но каждый новый, словно пронизывает всё тело маленькими иголочками. Разрывает контакт с землей. Подбрасывает и держит в состоянии невесомости.

Я здесь. С ним.

И мы оба разрываем привычную реальность на куски.

Растекаюсь на нём. Забываюсь. Ухожу под воду, цепляя ногами самое дно.

Он – вязкая топь. И из него не выбраться.

Едва отрываюсь от его губ, чтобы хоть немного сбавить скопившееся между ног напряжение, как изо рта Гордея звучит гортанный отчаянный рык, и он, не позволяя мне отпрянуть, зарывается широкой ладонью в мой затылок и давит на него, вынуждая меня продолжать.

Снова жестко и грубо вторгается в мой рот. Изводит. Проверяет границы.

Язык – его сила. И моя погибель.

Он им не только говорить болезненно может. Ранить. Но ещё и подчинять.

Дышать нечем. Как и нечем думать. Все здравые мысли растворяются в воздухе словно дымка.

А Солнце всё наступает, ломая мои выставленные баррикады.

Вот если бы в груди так не жгло. Если бы не прорывало, будто гнойник, моё сердце.

Если бы мы могли как-то примириться.

Но нет.

Я не хочу вспоминать, что было...

Как он перецеловал на моих глазах половину школы, а затем и половину университета. Как он трахал всё, что движется, пока я играла с ним в дружбу.

Как он сам же вырвал всё с корнем, когда целовал мою бывшую лучшую подругу у меня на глазах, пока играли в бутылочку. Как я вмазала ему, и мы не говорили после этого неделю. Целую неделю! А это был для нас рекорд. Потому что мы физически были неразрывны.

Если бы он всё это не сотворил, можно было бы о чём-то говорить...

Но теперь... После всего... Я даже в глаза ему смотреть не могу в таком ключе. Ненавижу!

– Ты сам то... Сам то... С ней... – вырываюсь из его хватки и смотрю диким зверем. Загрызть его хочу. Злюсь так, что искры из глаз сыплются. – Ненавижу! – вытираю губы от его слюней, вспоминая, как буквально две недели назад они с ней уходили за руку с вечеринки. А теперь он в любви мне клянётся. Теперь ему резко стало невозможно! Предатель! Сволочь! Скотина!

– Что я? Ну? Что, Жарёха?! – приподнимает корпус, когда я слезаю с него, взяв в руки ключ. Сердце точно сейчас откинется. Я вся как раскаленная вулканическая масса. Меня сейчас только тронь. Сожгу, нахрен, до пепла! До матовых угольков!

– Ты знал, что я увижу, как ты с Трушниковой уходишь! Ты специально это сделал! Знал, что тогда сломал нашу дружбу, что для меня это ужасно важно! Что я ненавижу её по сей день и всё равно тогда пошёл её трахать! Потому что ты... Ты... Солнце, ты... Подлая наглая скотина! Ты прав, ты – не друг мне! Ты мне – никто! И я знать тебя не хочу! Больше никогда ко мне не подходи!

Вижу, что смехом начинает заливаться. Но в этом смехе нет ничего настоящего. И всё же мне от него больно. Больнее, чем было. Просто ужасно. Разве можно причинять тому, кого любишь, такую нестерпимую боль?

– А ты что?! С Алёшей своим в тот день сосалась. Хорошо тебе было, блядь?! Хорошо было, когда Гордей волком на Луну выл? Когда таскался за тобой, как придурок, лишь бы до дома целую довести? Ну, что ты молчишь, Лана, поведай мне эту душещипательную историю в эпитетах! Как он тебя трогал? Где? Видимо, только тебе таскаться можно!

– Какой же ты гад!!! – рычу в ответ и просто мечтаю его придушить. – Ууууух, я бы сейчас на тебя кипятком вылила! Ненавижу!

– Так вылей, чего же ты ждёшь? Вон, сзади чайник стоит! Вперед, горячая ты наша! Или ты только парням хуи тушить умеешь?!

– Ах ты сволочь!!! – пытаюсь броситься снова, но он вдруг неожиданно обхватывает мои запястья своими руками и удерживает в воздухе.

– Жарова... Ты меня... З... – цедит сквозь зубы. Смотрит прямо в глаза своими чёрными омутами. Прожигает. – А, знаешь, что... Ты права... Да, я знал. Специально с Трушниковой пошёл. Выебал её. Несколько раз кончил. Яйца пустыми стали, хоть успокоился. Не всем же дано как тебе только мозг ебать, некоторые для удовольствия созданы.

Стоит ему только сказать это, как во мне перемыкает. Слёзы брызжут из глаз. Буквально фонтанируют.

Это...

Так унижительно. Так жестоко и подло.

Мои губы начинают дрожать, я сминаю в кулаке ключ, вырываю дрожащие руки из его захвата и направляюсь напрямик к двери.

Всё. Хватит. Ничего внутри не осталось...

Я выйду отсюда и больше никогда его не увижу...

Глава 1.

Первый раз в первый класс, блядь.

Солнышко (Яр)

Помню, как первые лучи утренней линейки нещадно лупят мне в глаза. Отчаянно стараюсь поймать хоть какую-то тень. Держу в руке огромный букет ярких цветастых отростков, пытаюсь рассмотреть трибуну, с которой доносятся, казалось бы охуеть какие важные, напутствия и наставления, но теперь в глаза лезут только два огромных розовых банта, которые заслоняют собой всё пространство перед моим лицом.

Что это? Зачем так много розового? Нахрена?!

– Привет, – здоровается со мной мальчишка справа. Первый мой добрый друг Ванька Зарецкий, который после третьего класса уйдет в другую школу, и мы станем редко видеться, но ровно до третьего будем не разлей вода. Ну, почти... – Меня Ваня зовут, а тебя?

– Гордей, – пожимаю его ладонь, небрежно толкнув букет в другую руку, чем случайно задеваю спину впереди стоящей девчонки.

– Ай! – вскрикивает так, словно я ей леща вломил, а всего лишь немного цветы об неё помял. Подумаешь, великая беда.

Но она смотрит так, будто убить меня хочет.

– Аккуратнее! – звучит писклявый голос, и девчонка показывает мне язык.

Язык, вашу мать! Это ещё что такое?

То, что мы с ней якобы будем учиться в одном классе под буквой «А» меня ничуть не смущает, я тут же, недолго думая, дёргаю её за один из дурацких каштановых хвостиков, и она вскрикивает, задушено фыркая и оборачиваясь на меня с видом ночной фурии.

– Да я тебя сейчас! – только и успеваю услышать.

Девчонка вцепляется в меня маленькими ручищами и начинает колошматить так, как будто и не девчонка вовсе, а крепкий такой боевой карате-пацан в юбке. Только и успеваю уворачиваться. Не бить же её в самом деле. Ладно за хвост дёрнуть... Но остальное...

Мой букет беспощадно направляется на землю и топчется её лаковыми белоснежными туфельками. Тут и я иду в бой, срывая лямку её рюкзака прямо с хрупкого плеча со свистом.

Она же наваливается на меня следом, дети вокруг кричат. Родители растаскивают нас. Учителя в шоке. Так мы в первый раз срываем школьную линейку.

Сидим у входа в кабинет директора, пока наши родители выясняют отношения внутри, и оба задумчиво глядим в пол, вздыхая.

Я весь грязный. Она тоже, да вдобавок в рваной одежде. Неожиданно одновременно поворачиваем друг к другу головы. Смотрю на неё, а она на меня. Поджимает пухлые губки и не моргает. Я же, кажется, слепну...

– Тебя как зовут, Наруто? – интересуюсь, пытаюсь выдохнуть. Не знаю, что со мной вообще такое. Я обычно с девчонками не дружу. Но эта...

– Почему Наруто? – спрашивает и хлопает карими глазками.

– Ниндзя потому что, – смеюсь себе под нос, глядя на неё, и на её лице наконец улыбка появляется.

– Милана... Жарова... – представляется девчонка, на что я мысленно киваю. Галочку ставлю напротив имени. Мне всегда были побоку девчачьи имена. Светы там, Кати, Оли. Пофиг было. А вот это её Милана Жарова в подкорку врезалось. С этого самого момента.

– Гордей Яровой, – отвечаю в ответ и протягиваю ей руку, на что она отворачивается и обиженно фыркает.

– А я и не спрашивала! Плевать мне! Ты – грубый и злой! Я с тобой дружить не буду!

– Ну и ладно. Можешь не дружить. Я всё равно твой рюкзак до дома донесу, – цежу себе под нос, на что она пучит свои глаза, и неожиданно дверь открывается.

Родители выходят оттуда и разочарованно вздыхают. Вроде как и не ругались сильно, но всё равно неприятно. Первая линейка, всё такое.

– Вы извините нас. Больше не повторится, – говорит моя мама, придерживая меня за плечи, а я уже тянусь за порванным рюкзаком Миланки, отлетая в сторону.

Все четверо вдруг смотрят на меня в изумлении, когда я выхватываю из рук девчонки изнахраченную вещь.

– Ты чего... Гордей? – спрашивает мама, а отец приобнимает её за талию и улыбается.

– Ничего, Ленусь. Пусть понесёт. Раз осознал, что сделал. Пусть отвечает, – добавляет он, и её родители вроде как соглашаются, но она снова начинает истерить.

– Нет! Я не хочу, не хочу, чтобы он его нёс! Отдай! – пытается выдернуть у меня из рук, и мы с ней разрываем его по швам окончательно. Твою мать...

У Миланки сразу слёзы ручьём льются. Я же стою как оцепеневший Иванушка-дурачок. И понять не могу.

Так со всеми девчонками тяжело?

Или вот только с этой конкретной...

С розовыми, мать его, бантами???

– Милан, ну ты чего, дочка, – успокаивает её мама. – Дала бы мальчику понести. Вы ведь вроде как перестали уже драться...

– Он – грубый дурак! Я никогда не дам ему нести свой рюкзак, никогда! – выплёвывает обиженно, и пока родители её успокаивают, мои хмурятся, глядя на меня.

А я понять не могу... Что сделал не так?

– Извините ещё раз, – добавляет мама и тащит меня за руку от Миланы и её семьи. Я же кидаю напоследок взгляд и встречаюсь с её. Наглым, беспринципным и вообще, блядь, не расстроенным.

Манипуляторша. Стоит и зыркает на меня своими карими глазами, стреляя в самое сердце. Вот ведь хитрожопая Жарёха! Точно... Теперь так её и буду называть. Дома мне не хило так попадает из-за её слёз и выходок, но я всё равно хочу подружиться, как упёртый баран...

На следующий день начинаются занятия. Ей вроде как купили новый рюкзак. С какими-то бабочками, сердечками, блядь. Я в прошлый особо не вглядывался, но и тот был каким-то пёстрым, размалеванным.

Я понять до сих пор не могу, как может такая припевочка драться не на жизнь, а на смерть. Это что-то из ряда вон. Оксюмороны, мать их.

Сажусь за третью парту вместе со своим новым товарищем Ваней. А звезда аниме садится на первую. Я в этом конечно ничуть не сомневался. Любительница привлекать внимание.

Не успеваем мы разложить вещи, как к ней вдруг подходит какой-то пухлый противный пацан и буквально выталкивает её с занятого места.

– Я здесь буду сидеть, – твердит свиное рыло, скидывая с парты её тетрадь и пенал прямо на пол, и я не знаю, как это работает. Как неземное притяжение между нами. Я уже с ней одной нитью связан, поэтому недолго думая, прорываюсь вперед и отпихиваю пацана в сторону, заставив плюхнуться на задницу прямо к выкинутой им тетради.

– Тут уже занято, – выплёвываю ему в лицо.

Миланка стоит в оцепенении. Одноклассники скачут как обезьяны. Пацан встает с пола и хватает меня за грудки. Я хватаю его в ответ. Оба стоим лбами друг в друга упираемся. Элементарно бодаемся. И мне не страшно, даже если мы в разных весовых категориях. Если надо, вообще домой весь рванный приду. Пофиг как-то.

Не успеваем начать драться, как раздаётся звонок и в класс входит учительница. Его от меня тут же метра на два отбрасывает, как кипятком облили.

– Ой, ребята всё хорошо? – спрашивает она, поочередно на нас глядя.

– Да, – отвечаю за нас обоих и поднимаю с пола Миланкины школьные принадлежности. Она же смотрит на меня так, словно я какой-то ключ к ней подобрал.

Может и так. Щеки все розовые. Глаза горят огнём. Щебечет не своим противным голо-
сом, а приятным:

– Спасибо.

Я молча ухожу за свою парту. Начинается урок...

И с тех самых пор я хожу за ней как приклеенный. Ношу её рюкзак. Дерусь за неё. Защи-
щаю. И просто живу, блядь, только ради того, чтобы Милане Жаровой...моей Жар-птице...
Любимой, сука, Жарёхе было хорошо...

В груди огромная дыра размером с Космос, блядь!

Но разве ж, она поверит? Разве послушает? Разве могу я рассчитывать на что-то кроме
вот этой сраной дружбы, которую она придумала...

Ебучая френдзона, в рот мне ноги.

Нет...Девочки-ниндзя, они не такие. С ними жёстко надо. Только я так не могу.

Естественно мы с ней срёмся. Да ещё как. Но это всё равно не тот уровень трэша, спо-
собный загнать Миланку в угол. Тут ультиматум нужен, а я пока не могу придумать, какой...

В конце девятого класса собираемся после всех экзаменов у Юрчика дома. Я естественно
иду туда со своей лучшей подружкой, с которой порознь нас почти никто не видит и пыта-
юсь сломать выстроенные ею границы. Особенно учитывая то, насколько, блядь, мы оба изме-
нились. Тела уже не детские, в мозгах далеко не ванильная херобора. Мы оба прекрасно
понимаем, что реальность прекраснее и отчётливее фильмов. Но пока даже не касаемся друг
друга...Всё-таки нам по шестнадцать лет. Ну, ей почти. Через неделю будет, если точнее...А
я уже сейчас понимаю, что она мне все жилы выкрутит, нахрен, с мясом до нашего совершен-
нолетия.

– Жарова, не беси, а. Двигай уже задницей быстрее!

– Я и так иду, что ты меня подгоняешь?! Не терпится пиво своё дурацкое выпить?! –
выплёвывает так, будто не сама неделю назад наклюкалась и блевала, пока я держал ей волосы
во дворе.

– Пиздец, – выдаю задушено. – Щас на руки тебя закину и донесу. Заебала ковылять.
Нахуй такие каблуки надевать, если ходить на них не умеешь!

– Это я-то не умею?! Я тебя щас, Солнышко, по яйцам пробью!

– Ебанись, Жар-птица, знаешь хоть, где они находятся? – быстрее пули подхватываю её
на руки, пока она визжит, кричит и дерётся.

– Вымахал, скотина! Яр! Поставь, Солнце! Гордееееей!!! – последнее уже диким хохотом
выдаёт, а я кладу ладонь на её задницу. Платье слегка приподнимается. Голый контакт кожей
выходит. Кромку трусов её задеваю. Охуеваю от того, как приятно, но виду не подаю. Она тут
же от возмущения замолкает и вздрагивает. – Ты...ты...Поставь меня! А ну, поставь!

– Обойдешься. Дотащу, поставлю, – отвечаю и с довольным лицом, придерживая пре-
красную окружность моей Жарёхи, пружу её до дома Витьки Юрчика.

Только там ставлю на ноги. И она тут же повисает на мне, обвив руками плечи прямо
перед входом в дом.

– Порядок? Эй? – держу за подбородок.

– Голова кружится, – твердит она, пока я поправляю её задравшееся платье. – Ты – дурак!

– Всё...Стой нормально, Лана. Не дёргайся.

– Говоришь, как маньяк!

– Не без этого, – опускаюсь на колено и поправляю ремешки на её туфлях. – Тут перекру-
тились, вот ты и шла как хромая кобыла. – снова касаюсь её голой кожи, и это в вены горячее
подливает...Я бы всю жизнь так касался...И не только так... Ноги у неё от ушей. Красивые,

стройные, идеальные. Я вообще в принципе никого красивее своей Жаровой не знаю. Просто не встречал ещё никого никогда... Настолько мозги вышибающего. Будто насмерть.

– Я не хромая кобыла, – хнычет она, когда я вновь поднимаюсь к её лицу. Стою и смотрю на неё, как завороченный.

– Ладно... Не хромая... Уговорила, – улыбаюсь, когда она даёт мне ладонью в грудь. Убираю прядку волос ей за ухо. – Красивая ты. – шепчу, и при этом каждая мышца на теле напрягается. Я давно уже не маленький парень. С девяти лет ходил на секции по тхэквондо, в бассейн и играл в футбол. Параллельно занимаясь в тренажёрке, но её взгляд заставляет меня быть перед ней полным лошарой и неудачником... Как это работает?

– А ты как всегда наглый и заносчивый засранец, – гундит она мне под нос. Так и рассматриваем друг друга в темноте улицы. Не хотим даже заходить. Будто не для этого сюда пришли, а просто постоять и посмотреть друг на друга. Да я и не против. Лучшее моё времяпрепровождение.

Не знаю, что меня так подгоняет. Невидимая какая-то сила. Чуть подаюсь вперёд и припадаю к Миланкиным губам своими. И ведь уже целовался. Долбился даже сказал бы. И не раз. Правда ей не рассказывал, но, блядь, с ней получается так робко и неумело, что будто в первый раз, и она вся цепенеет как будто я её ужалил. Замирает передо мной, глаза свои пучит и не моргает, пока голоса сзади не слышатся, и она отлетает от меня в панике, наверное, метра на два точно.

– Ой, Гордей, ты пришёл, – заинтересованно машут мне наши одноклассницы. Кажется, что они и то больше рады меня видеть, чем моя Жар-птица. Одна из них как раз Анька Чехова, с которой я все эти злодеяния с языком и проворачивал. Миланка при этом всё ещё стоит ни живая, ни мёртвая. А я прекрасно понимаю, что у неё там тараканы в голове уже начали дворцовые перевороты устраивать.

– Пошли кароч, – хватаю её за руку излишне психованно и тащу в дом...

А уже там... Внутри...

Я не хочу больше так унижаться её безразличием. Не хочу чувствовать её отстранённость и холодность, от которых у меня кишки в узел скручивает и нервы становятся оголёнными проводами...

Только поэтому, когда за игрой в бутылочку мне выпадает её подруга Алёнка Трушников, я, недолго думая, долблю её прямо в дёсна перед своей любимой и единственной Жар-птицей...

Глава 2.

Знала ли я что такое боль раньше?

Милана (Жар-птица).

Смотрю на то, как Гордей заталкивает язык в рот Трушниковой и выворачиваюсь наизнанку. Меня всю колошматит. Так сильно, что я встать не могу. Не могу убежать, чтобы прекратить это ужаснейшее видение, хотя очень этого хочу. Я будто физически ощущаю этот гадкий поцелуй. Он из меня верёвки вьёт. Уничтожает.

Ещё полчаса назад он просто мазнул по мне своими губами, сказал, что я красивая, а теперь без зазрения совести яростно пихает свои слюни в рот моей подруги... Которая даже не сопротивляется. Все при этом смотрят то на них, то на меня. Видимо, у меня всё на лице написано.

Не в силах скрыть своего унижения всё же встаю и кидаюсь прочь, пока они не закончили.

Выбегаю на прохладную улицу, дверь громко хлопает позади, и я уверенно топаю к воротам, чтобы уйти оттуда прочь.

По щекам текут жгучие слёзы. Не знаю, что при этом чувствую. Кроме, естественно, жуткой боли. Её легко идентифицировать. Ведь она повсюду. Ощущение, что ко мне подключили высоковольтный ток или же, что привязали за ногу и волокут по улице мордой о землю, стирая кожу до мяса. Но...Эту боль я бы выдержала...Я бы кричала и задыхалась, возможно, отключилась от болевого шока. Но выдержала бы... А вот это...

То, что происходит сейчас даже ничем не отключить...Я просто ощущаю себя ничтожеством.

За что он так со мной? За что?

Сзади слышу стремительные чужие шаги. А потом тёплые наглые руки Гордея дёргают меня за плечо, но когда я не останавливаюсь, он и вовсе преграждает мне путь. Сильно хмурится, когда видит, во что превратилось моё лицо.

– Милан... Ты куда? – спрашивает со вздохом.

Я же... Сжимаю челюсть в тиски и издали вижу, как из дома начинают выходить другие люди, чтобы посмотреть на это представление. Надо же...Имя моё вспомнил... Меня всю трясёт. Дрожь такая сильная, что пробирает до костей. Смотреть на него не могу. Тошно и обидно. Хочется ударить в ответ, да побольнее.

– Знаешь что, Гордей? Пошёл ты! Пошёл ты на хрен! – кидаю ему в лицо, но он не унижается, дёргая меня снова.

– Что я сделал? Это просто игра, да? Просто игра... – в отчаянии говорит он, и я вижу, что мечется. Сам понимает, что ни хрена такие игры ненормальные. Я вдруг нервно посмеиваюсь, хотя внутри зарождается ураган. Смертельная воронка, затягивающая меня внутрь. Меня уже не остановить.

– Игра...? Игра? Сосаться с моей подругой! Это игра?! – у меня всё лицо обдаёт жаром. Как же я его ненавижу. Боль достигает каких-то катастрофических масштабов.

– Почему я должен оправдываться? Что в этом такого?!

– Может потому что полчаса назад прижимался ко мне своими губами?! Ты вообще уже охуел, Яровой! – выпаливаю и меня элементарно душит. Будто чьи-то руки на горле сомкнулись.

– Тебе один хуй не понравилось, а ей очень даже. Да и мне вкатило! – выплевывает он, а я...

Я со всего размаху бью его по щеке. Оставляю мощную отрезвляющую пощёчину. Впервые в жизни. Моя ладонь резко покрывается огнём, болью исходит, ноет, будто это не я его

ударила, а он меня. А он лишь слегка наклоняет голову, но вижу, что находится в таком же ужасе, как и я.

– Ты мне больше не друг! Никогда больше с тобой не заговорю! – кидаю на прощание и убегаю прочь.

Вся в слезах. В отчаянии. Умираю от боли.

Она меня уже знает, как главную свою фанатку. Видимо, вот так мазохизм и проявляется. Ведь даже несмотря на жжение в груди, я мечтаю, чтобы он кинулся вслед за мной.

Однако на протяжении всего пути за собой я никого не наблюдаю, хоть и всё время обращаюсь на какие-то шорохи.

Снимаю каблук по пути, несущу туфли в руках.

Вспоминаю, как Гордей касался моих ног, и волком выть готова от этого раздражающего на куски чувства. Голова болит, в висках пульсирует. Я не просто его ненавижу за этот поступок... Я его презираю.

Не успеваю дойти до дома как мне поступает звонок. Я уже думаю, что это он звонит, моё Солнце, мой Яр, но нет. На экране имя Алёнки. А я так на них обоих злюсь, что просто...

Просто...

– Чего тебе?! – выпаливаю со злостью.

– Милан... Ну чего ты обиделась? Это же игра... Да и...

– Что да и?!

– Мне Яр нравится, а ты просто собственничаешь. Всё равно ведь тебе до него! Дела нет как до парня! Чего тогда разводить балаган?!

– Знаешь, что, Алёнушка! Я тебе завтра все волосы выдеру, если увижу, поняла меня?! Гадина такая, лучше никогда ко мне не подходи! Придушу и без глаз оставлю! – сбрасываю трубку, и просто киплю от адской зависимости написать Гордею сообщение.

Но нет. Нет!

Он всё сломал. Он!

Не я!

И никто не имеет права говорить, что я какая там собственница!

Мы с ним десять лет дружим... Дружили!

И так по тупому поступить. Таких гадостей надумать. Сволочь всё-таки Яр! Ненавижу!

Солнце: «Кончай врубать драма квин, Жарёха! Сделаем вид, что ничё не было. Обнулим. Я на изломе. Не руби, а».

Читаю и просто хочу телефон об асфальт размазать. Отвечать и не планирую.

Как бы больно не было... Как бы не хотелось...

Неделю он звонит мне, пишет и приходит вечерами, забрасывая мне в окно мелкие камушки, а я просто игнорирую. Ломает ужасно. Выкручивает. Нереальной силы стоит прекратить общение. Но легче из-за того, что уроков уже нет. Каникулы.

Мы впервые так долго не общаемся за эти десять лет.

Раньше наш максимум был – один день.

И только потому что после ссоры Яр сломал свой телефон. Не специально, но связаться со мной не мог.

А теперь... Я делаю это намеренно.

Хотелось бы мне проникнуть в его душу и все гайки там раскрутить, как он мне сделал. Разбередить раны. Растревожить. Лишить сна и желания радоваться. Каждую ночь мне снится. Каждый раз думаю о них с Алёнкой и пеной исхожусь. Ненавижу!

Только в седьмую ночь, получив от него новое сообщение, решаюсь ответить.

Солнце: «Жар-птица, я не должен был её целовать. Косяк за мной есть. Но семь дней – это слишком. Ты так не считаешь? Не заставляй брать измором. Выйди. Поговорим. Ты мне кино обещала».

Жар-птица: «Я выйду только при одном условии».

Солнце: «Каком?»

Жар-птица: «Ты обещаешь, что больше никогда не будешь ни её, ни меня целовать».

Солнце: «Хорошо».

Жар-птица: «Пообещай».

Солнце: «Обещаю».

Быстро собираюсь, хотя время уже перевалило за полночь. Родители сильно переживали всё это время, потому что всегда говорят, что Гордей слишком сильно на меня влияет. Они убеждены, что нам нужно меньше общаться. Но я не могу. Хотя сама понимаю, что это... Ненормально...

Едва ступаю за порог видящего уже десятый сон дома, как несусь сломя голову к тёмной фигуре, что ждёт меня под окнами моей комнаты. Буквально с разбегу прыгаю на него, повиснув на его плечах, а он ловит, удерживая над землей и прижимая к себе.

– Прости.

– Прости.

Выдыхаем почти одновременно. Чувствую, что он сильнее жмёт к себе. Ладонями проходится по всей спине. И сама безумно к нему тянусь, словно нет ничего важнее в этой жизни. Но так похоже и есть... Иногда мне кажется, что Гордей – моя вторая половина. Вторая часть сердца... Возможно, что в другой жизни, мы были друг другу кем-то сродни матери и ребёнка. Неразрывная связь.

– Я не хотел даже. Хрен знает, что нашло... Мне этот поцелуй даже не понравился... А потом ещё и ляпнул... – он начинает оправдываться, но я резко отсекаю.

– Мне тоже.

И тут между нами возникает горькая тишина. Я только потом понимаю, что он не обо мне говорил, а об Алёнке. Не наш с ним поцелуй имел в виду. Но слово – не воробей... Вылетит – не поймаешь...

Поэтому пространство между нами резко сгущается, и мы с ним снова ищем пути отступления.

– В кино идём? Я бронь уже взял, – он опускает меня на ноги, и я чуть отхожу назад.

– Ммм... А если бы я не вышла? – спрашиваю обиженно.

– Знал, что выйдешь... Чувствовал... Сегодня ретроградный Меркурий, Жарёха в Козе-роге, – ржёт он, протянув мне руку, а я растягиваю губы.

– Если ещё раз обидишь... Пеняй на себя! – показываю ему кулак. А он лишь улыбается и капитулирует руками.

– Я понял, Жарёха. Ты реально опасная. Без тебя хреново было... Никто не съедал за меня чипсы. Не пачкал помадой одежду. Не воровал мои футболки. Не кусался и не давил прыщи, – в голосе – грусть, в глазах – неумолимая тоска. Но всё это спектакль Солнца. Я знаю, что сейчас он шутит... А я именно это и испытывала без него...

– У тебя давно их нет, не ври! – пихаю его в плечо.

– Один выскочил на днях... Но, возможно, это опухоль... Может, я умираю... – продолжает он наигранно стонать.

– Прекрати. На какой фильм идём?

– На боевичок тебя затащу... Можешь не смотреть. Разрешаю поспать на моём плече...

– Или... – улыбаюсь ему, подмигивая и играя бровями, а он закатывает глаза.

– Ладно... На задний ряд тогда...

– Дааа...

У нас с Солнцем совсем другие общие развлечения и шуточки. Как-то очень давно, когда мы впервые были в кино, я подвернула ногу, и Гордей делал мне массаж весь последующий сеанс, сидя на заднем ряду. У нас это не места для поцелуев... А места для массажа... Я уже

привыкла, что он разминает мне икры, лодыжки и так далее. Поэтому и сейчас сижу, наслаждаясь его сильными пальцами на своей икре и чуть выше.

– А когда ты будешь мять мне ноги? – спрашивает лукаво.

– Никогда.

– Нечестно. Тоже хочу массаж...

– Обойдешься.

– Капец ты наглая, Жарёха... Я скучал эти семь дней. Сильно.

– Не напоминай... Ах, Гордей! – издаю какой-то пошлый ужасный неконтролируемый стон, когда он нажимает на что-то, и все на нас пялятся. Блин...

– Тишшш... Расслабься... – шепчет в ухо. Я тот час же вся покрываюсь мурашками. Не понимаю реакций своего тела на Гордея. Не понимаю и не хочу понимать... Зато он ехидно ухмыляется, глядя на меня весь фильм. Вообще не смотрит на экран, хотя сам же выбрал свой сраный боевик... Но мне всё равно.

Пока сидим, я наслаждаюсь его обществом, потому что мне его не хватало... Сильно-сильно не хватало, будто бы мне часть тела ампутировали. И я знаю, что мы наговорили друг другу очень неприятные вещи, но я не могу его не простить. Потому что он... Мой лучший друг... Он – моё всё...

После мы шумно идём по улице, болтаем и шутим, как раньше, без намека на ссору, пока на мой телефон не приходит сообщение.

Алёнка: «Лана, нравится тебе или нет, но Гордей сказал, что ему понравилось со мной, и он хочет начать встречаться. Как пара».

Открываю, читаю и застываю. Внутри как бритвой полоснули. Сотни тысяч раз по сердцу. Как же это больно... Он замирает прямо во время разговора и смотрит на меня слегка нахмурено. Но будто что-то чувствует. Буквально сразу, как выражение моего лица сменяет тревога и ярость.

– Что случилось? Всё в порядке?

Но я не могу снова накинуться на него. Нет.

Будь нежнее... Будь добрее... Будь... Ему... Всем.

– Да... Гордей, я скучала, – убираю телефон и тут же вновь повисаю на его плечах, уткнувшись носом в грудную клетку. Его запах – мой личный кайф... Мой наркотик. Моя зависимость...

И если они начнут встречаться, я умру...

Она будет так же утыкаться? Нюхать его...

Он будет трогать её... делать ей массаж...

Постоянно целовать... Нет...

Я не знаю, как делить его...

Он же тогда... Он бросит меня... Перестанет общаться...

Будем редко видеться и всё забудем. А я реально не смогу. Я эту неделю кое-как вытерпела.

– Милан, я тоже скучал... Ты только не плачь, ладно? Нытик мой ненаглядный...

– Ты можешь... Можешь... Сегодня со мной переночевать? – наглею я, не выпуская его толстовку из своих рук. Он немного отстраняется. Перехватывает одну из моих рук и, не моргая, кивает. Я вижу, что он вроде как и рад моему предложению, но и что-то не так...

Одновременно...

Не знаю, что это значит...

– Могу... – произносит на одном дыхании.

– Хорошо... Фууууф... Хорошо... Пойдём...

– Пойдём... Но завтра у меня на тебя планы... Тебе ведь шестнадцать исполняется...

– Господи... Я и забыла, представляешь? – спрашиваю, хихикая. С нашей ссорой я выпала из календаря.

– Представляю. Но утром мне нужно уйти за подарком...

Дом. День первый.

– Располагайся. Сразу говорю, что здесь не работают твои правила. Ключ будет в надёжном месте. Если выйдешь, сама знаешь, что будет, – Гордей запускает меня в двухэтажный дом, расположенный в самой гуще леса. Вокруг лишь природа и ни одной живой души.

– Как ты узнал об этом месте? Чей это дом?

– По документам – ничей... Но тут когда-то давно жил дед Ваньки Зарецкого... Знаю я о нём давно. Мы сбегали сюда порой... На попутках добирались... – сообщает Гордей, проходя вглубь.

– Но тут прибрано... Ты бываешь здесь?

– Обычно нет. Ты знаешь все места, где я бываю. А про этот дом я вспомнил недавно... Разгрёб здесь всё. Убрал. Нужно ведь было мне где-то держать свою Рапунцель, чтобы не выделялась... – говорит так, будто это всё игра какая-то, а не наши с ним жизни. – Если серьёзно... Ты сама требовала этого. Ты сама меня вынудила.

– Не правда!

– Правда! Ты не оставила мне выбора, Милана. Но если хочешь свалить. Если хочешь уйти. Можешь сказать. Я отвезу обратно... Только, Лан. Честно... Мы больше не увидимся. Никогда.

В его голосе столько стали и боли. Не могу его слушать...

Настолько это жестоко по отношению к нам обоим. Настолько неправильно.

– Я поняла, – цежу озлобленно и следую за ним. – Что подумают родители?

– Что мы свалили в закат. Вернёмся – расскажем вместе. Вернёшься одна – соответственно. Я возьму все последствия на себя.

– Ты изменился... С той последней ссоры... Ты злишься сильнее... – давя ком в горле. Он ведь действительно выглядит злым на меня. Будто ни одна вещь на свете больше не способна исправить этого... Но я ведь не хотела, чтобы так вышло... Не хотела!

– Интересно почему, – выплевывает он, взяв мою спортивную сумку с вещами и тащит её наверх, видимо, в мою спальню.

Я же тупо молча иду за ним. Прекрасно понимаю, о чём он. Ведь вспоминая ту крайнюю точку, из-за которой Гордей привёз нас сюда, меня снова обдаёт жаром...

Две недели назад, ещё до приезда в дом между нами случилось последнее недопонимание.

– Давай так, малыш, я не буду сердиться только если ты прямо ему скажешь, что между вами всё. Только так, Милана, – Гордей сидит возле меня и держит в руках мою ладонь. Его взгляд теплеет, но в голосе всё равно сквозят нотки обиды и злости.

Сколько всего между нами было? Сколько... Бессчётное количество. В порывах забвения порой обнимались так, что крышу срывало. Целовались... Да, было... Спали практически голые друг с другом. Постоянно. И он прав конечно... Друзья так не спят... Нет... Они ничего из этого не делают. Я сама дала волю всему этому. Позволила хаосу поглотить наши отношения. А теперь...

– Гордей, с какой стати?! Только потому что тебе так захотелось? А ничего, что я тоже имею право на личную жизнь! Ты ведь постоянно таскаешься! – вырываю у него из рук свою и повышаю голос. Да. Да! Я кричу на него, потому что его эти манипуляции уже перешли все границы.

– Да, таскаюсь. Именно таскаюсь! Ничего серьёзного у меня ни с кем нет. Я ночую только с тобой! Жру только с тобой! Говорю по душам. Всё делаю с тобой. А ты?! Где ты, блядь, была вчера, пока я тебе весь день звонил?! С ним! С ним! Не со мной! Жарёха, блядь. Шлялась с ним весь, сука, день! Я убить тебя готов голыми руками. Задушить! – он снова хватает меня за руку и дёргает меня на себя таким образом, чтобы я оказалась прижата спиной к его груди. Наши тела соприкасаются. Снова. Его подбородок давит на мой затылок.

– Прекрати, Гордей! Прекрати! – вырываюсь и пытаюсь убежать. – Ты обещал! Обещал соблюдать правила! – задыхаюсь, чувствуя его горячее невыносимое обжигающее тепло.

С тех пор как всё вышло из-под контроля, я запретила ему касаться меня.

Это было правило номер один.

Не касаться друг друга что бы ни произошло...

Но сейчас...

– Жарёха, – обреченно и надрывисто тянет Солнце. – Это всё... Если ты сегодня же его не бросишь... Сейчас. На вечеринке Левакова. Я всё. Между нами всё. Я больше не стану с тобой общаться.

– Не смей ставить мне такие условия! Ты – скотина! – Гордей вдруг вдыхает запах моих волос и отшвыривает меня от себя на метр вперед. – После того, скольких ты перетрогал и перетрахал на моих глазах ты не имеешь никакого права! – кидаюсь обратно к нему и начинаю его колотить. Он обхватывает мои руки, смотрит на меня озлобленным взглядом, шумно дышит. Так, будто сейчас задохнется.

– Я всё сказал, Жарёха! Пиздуй!

– Ненавижу тебя!!! – кидаю ему вслед, но для себя прекрасно понимаю, что Гордей всегда будет оставаться номером один для меня. И если он так говорит, значит, я должна бросить Лёшу, как того требует его сердце.

Но в тот же вечер на вечеринке происходит непоправимое...

Гордей напивается, пока я пытаюсь поговорить с Лёшей о расставании, а он вместо того, чтобы выслушать, нагло и грубо целует меня у лучшего друга на глазах. Я толком и сделать ничего не могу, ведь я намного меньше и слабее. Тогда Яр в остервенении разбивает ему половину лица и уходит с вечеринки с Трушниковой за руку, бросая меня там стоять и плакать, наблюдая за ними.

Так я остаюсь виноватой по всем фронтам, хоть и пыталась сделать именно так, как моё Солнце сказал... Я выполнила его условия, но из-за этого насильственного Лёшиного поцелуя он подумал иначе.

А теперь я стою у него за спиной в этом странном доме и покрываюсь иголками от его ультиматумов. От того, что он для нас заготовил, полностью уверенный в том, что между нами с ним однозначно не может быть дружбы.

То, что стрельнуло в его голову настолько глупо и неразумно, что я не берусь это комментировать.

– Твоя комната. Моя за стеной. Когда решишь поговорить на чистоту и наконец сознаться мне, что тоже меня любишь и что мы не можем дружить, знаешь, где меня найти...

– Не дождёшься! – выпаливаю агрессивно. – Мы – друзья! Мы – семья! Кто угодно! Только не пара!

– Это мы ещё посмотрим, Жарёха. Неделя только в моём обществе, и ты сама будешь умолять меня.

– Ага, мечтай! Придурок!

– А ты идиотка.

– Сам идиот!

– Как же, блядь, бесишь. С самого первого дня. Надо было тебе не только рюкзак порвать, но и в унитаз макнуть для профилактики!

– Ах ты говнюк! – снова больно бью его в плечо, он слегка отшатывается от неожиданности. – Сволочь! Яр! Солнце, ты такая сволочь! Я... Я... Даже названия тебе ещё не придумала!

– Нервишки подлечи, ебанько!

– С тобой никакие лечения не помогут! Ты просто мудацелло!

– Кароч. Если набор сомнительных оскорблений кончился, я пошёл на кухню. Захочешь жрать – приходи.

– Я уже хочу... Давай... Давай я нам картошку пожарю, как любим...М? И... Мясо...

Он молчит и смотрит на меня своим фирменным одичалым взглядом. Наконец, полярности сменяются. Он тает.

Боже...Точно тает от моего предложения. Прямо на глазах.

– Идём... Я помогу тебе... Вместе будем готовить, – он тянет мне руку, и я тут же хватаю её, заключая в свою. Наши пальцы переплетаются.

Первый час в этом доме... Первый. А мы уже успели разругаться и помириться.

Что же будет дальше?

Глава 3.

Готовься снимать трусы, девочка-ниндзя

Солнышко (Яр)

Дом. День первый

Кадык судорожно дрожит, когда вспоминаю последнюю нашу готовку вместе. И сейчас, когда мы такие целомудренные и правильные, аж тошно... Ведь в последний раз у неё дома, когда родителей не было, мы устроили такое, о чём нельзя без стояка и думать...

Два месяца назад, как специально решили уединиться... Побывать вдвоём. Поговорить у неё дома и приготовить ужин.

Тогда мне ещё было разрешено её касаться... Тогда она была милосердна к моим яйцам. Или же наоборот. Хрен знает...

Она чистит картошку, я режу мясо. Дело идёт быстро, пока ей не звонит тот самый Алёша. Он-то и становится отправной точкой нашего крайнего эмоционального перепада. Пунктом «А» в нелёгком пути, который нам предстоит пройти.

– Бля, – бросаю нож и психованно иду к двери, едва увидев его имя на экране, а она тут же следует за мной.

– Яр... Ну, Гордей! Я не буду братъ, Солнце! – кидает она мне в спину.

– Сука, как он меня бесит, а... Почему мне никто не звонит? – разворачиваюсь и смотрю на неё волком.

– Звонят! Ещё как звонят! У тебя просто всегда беззвучный режим! Ты смотришь в телефон, когда уходишь от меня! Я сто раз это видела!

Блядь... Спалился... Так обычно и делаю. Сотни сообщений потом вижу. Часть вообще не читаю. Девки всё время ими заваливают. Приглашают куда-то, предлагают себя. И на звонки не отвечаю, потому что с ней всё время... Но выпускать пар мне тоже надо. Вот так всю жизнь на холостых не прогоняешь.

А её трогать... Я трогаю конечно, да... Но это не те касания, которых бы мне хотелось. Разумеется, и от них меня мажет. Слишком охуенно её касаться...

Но...

Недостаточно... Чтобы я мог вот так просто отказаться от всего секса в моей жизни, ведь я не железный, а Миланка не моя. Она моей быть не хочет. Прямым текстом отказывается.

Только вот ревнует дичайше. И я понимаю. Сам же ревную бешено. Хотя бы сейчас. Ревную, да. Убить готов, задушить, как Отелло, блядь.

– Это всё равно не то. Ты с ним чё-то мутишь. Я просто трахаюсь. Это, сука, разные вещи! – кидаю ей в лицо, на что она презренно хохочет.

– Фу! Яровой! Значит тебе было бы легче, если бы я с Лёшей просто трахалась!? Ну, ок, учту на будущее, – как только она говорит это, колпак срывает. Абзац.

Меня уже не остановить.

Не знаю, что творится. Вспышка. Хаос. Лютый гнев.

Хватаю её за талию, одним рывком вжимая в себя, и грубо утрамбовываю её жопу на кухонный стол, оказавшись так близко к её лицу, что наши носы соприкасаются. Миланка дрожит. Знает ведь, что провоцирует. Словно специально это делает, зараза.

Что, блядь, за игры? Гордей уже на измене весь. Трясёт меня не хило.

– Я пошутила, – выдавливаю она писклявым тоном. – Яр... Я... Правда пошутила...

Мне кажется, у меня глаза красным огнём горят. Я просто чувствую адское жжение в них и потребность в прохладной воде. Ощущение, что мне перцем их натёрли. Как же ненавижу её острый язык... Просто, блядь, свирепо ненавижу.

– Ещё раз такое ляпнешь, я сам тебя выебу. Поняла? – спрашиваю, раздувая ноздри от гнева. Она молчит, как язык проглотила, а я всасываю её нижнюю губу, придавливая податливое тело так близко к себе, что не осознаю, где заканчиваюсь я, а где начинается она. Поэтому мну всё и сразу, без разбора. Не просто трогаю... Нет.

А насыщаюсь.

Милана задушено скулит. Едва может имя моё произнести, пока целую. Пока поглощаю её и лапаю. Да, немного грязно...

Но...

Я ведь вижу, что ей нравится. Она ладонями меня обвивает. Пальцы по затылку проходятся. Чувствую их. Чувствую её язык, который манипулирует мной. Вертит. С моим соревнуется. Забываем оба о том, кто мы друг другу. Да меня это, собственно, никогда не парило, а вот Жар-птица точно сейчас не особо активно трепыхается.

Она моя вся.

И нет никаких подтекстов. Моя... Только моя. Без остатка.

Смело лезу под её футболку. Спереди. Чтобы не начала возмущаться глубже её рот оккупирую. А пальцами внаглую стаскиваю ткань её лифчика вниз, под самую сиську, которую и начинаю бессовестно мять. Ласкать. Перекатывать её торчащий сосок между пальцами. Зажимать его и оттягивать, как того требуют мои извращённые фантазии.

Я и раньше её грудь видел. Касался даже как-то перед сном. Но вот так... Откровенно. При свете дня на кухне на столе. Нет... Так в первый раз.

Ну, созданы же друг для друга... Чего она противится???

Ещё секунда и я сорвусь. Я просто не выдержу этой изощренной пытки.

Хочу её уже четыре с лишним года... Хочу по-взрослому. Так, чтобы перестала мне мозг ебать.

Чтобы единственный, кто кого-то ебал в нашей паре, был я!

И не кого-то.

А её.

Только, мать вашу, её!

Но едва опускаю руку к её раздвинутым ногам, как меня начинают по ней нещадно пиздить, шелестя при этом:

– Нет! Нет! Гордей! Не надо!

– Дай потрогать... – настойчиво говорю я, схватив её руку за запястье и зажав ту за поясницей. Сам же хватаю её за лицо, указательным пальцем на губы давлю. – Тсссс... Прекрати. Посиди так. Пять минут. Только пять минут. Справишься?

– Нет, – мотает она головой и смотрит на меня так жалобно, что я тут же прижимаюсь к её губам своими.

Кровь внутри кипит, будто подожгли. Теперь внутри меня настоящая лава...

– Не бойся меня. Лана... Не бойся... – кусаю её за нижнюю губу. Голодным зверем выгляжу, но плевать. Всасываю. Провожу языком. – Впусти меня в свой рот. – прошу шёпотом, потираясь между её ног своим членом. Бля, уверен, она всё чувствует. Я реально с ума схожу. У меня перед глазами полнейшая темнота. Запредельная животная страсть, которая мраком всё тело окутывает.

И Жарёха снова начинает целовать меня, запуская внутрь. Сплетаемся огненными узлами. Душу её своими прикосновениями. Не хочу, чтобы кто-то кроме меня хоть когда-то так касался. Я, блядь, с ума сойду, если этот тип к ней полезет. Если у неё с ним что-то такое будет. Я его просто убью. Да и её потом, наверняка.

Наглее просовываю руку к её промежности. И понимаю, чего стеснялась...

Жар. Похоть. Она вся мокрая. Я даже через штаны это ощущаю.

Пиздец...

Это анрил. Это полный пиздец. Зачем ведёт себя так, словно не хочет?

Если всегда так течёт по мне? Для меня? Нам, блядь, по девятнадцать лет... А сколько её не трогаю, когда мы вместе, так она всегда со мной мокрая.

Пусть и не так откровенно, как сейчас, раньше касался, но точно знал, что реакция была такой же.

Миланка сильнее сжимает мои плечи. Ноги жестче кверху поднимает. Я трахаю её рот своим языком, она постанывает. Мы как два диких оголодавших зверя, которые впервые вот так сплелись у них на кухонном столе, набросились друг на друга как одичавшие безумцы. Безобразия, да и только.

Её звуки становятся громче, моя рука бесстыдно лезет к ней в штаны.

И...

Находит смысл своего существования в том, чтобы касаться её девственной кожи. Отныне навсегда. Это, блядь, не Жар-птица...

Это натуральная Жарёха... Которую нужно ежедневно качественно жарить...

Я, блядь, ни одну девчонку с таким восторгом не касался.

Слишком нежная. Слишком невероятная. Слишком моя.

Похотливая. Маленькая. Стервочка. Слишком гордая, чтобы признать, что течёт по мне.

Сильнее надавливаю большим пальцем на клитор, подушечкой касаюсь влажного входа. Топлю себя в этих хлюпающих развратных звуках. Умираю и возрождаюсь, когда довожу свою девочку-ниндзя до, надеюсь, первого в жизни оргазма.

Перестаю целовать, когда она дрожью вся покрывается и вскрикивает, заливаясь волной протяжных стонов. Целую серенаду, блядь, исполняет. Одним коленом притискивает меня ближе. А я смотрю ей в глаза, уткнувшись в лоб своим, она же смотрит не на меня, а куда-то в бесконечность. Пыхтит, красками заливается. Вся моя... Абсолютно вся. Её лоно бурно пульсирует, удовольствием изливается. Дышу ей в рот горячим воздухом. Дико хочу трахнуть её, но нельзя. Понимаю... Не так... Не здесь...

Нижняя губа моей девочки дрожит, а потом неожиданно мы слышим звуки входной двери, и Миланка, окутанная страхом, тут же яростно толкает меня в грудак и спрыгивает со столешницы, поправляя свои волосы, одежду, судорожно вытирая губы и так далее по списку.

Я же... Ощущаю, что пиздец всё это не вовремя случилось. Я ведь хотел поговорить после этого. Хотел, как лучше. А теперь...

– Здравствуйте, – здоровается со мной её мама. – Гордей, поужинать пришёл?

Её мама ещё более-менее лояльно ко мне относится при ней. Потому что знает, что Милане важно её мнение. Но наедине у нас бывают разговоры о том, что нам бы поменьше общаться. Влиять друг на друга. Забивать друг другу головы. Да и ночью я у неё в комнате без их ведома. Захожу как правило, пока все спят... Либо через окно.

– Здравствуйте, да... И помочь с ужином, – твержу, откашливаясь, и снова хочу взяться за мясо, но понимаю, что как-то неловко. У меня все пальцы в Миланкиной похоти, а в штанах стояк дикий. Надо бы руки помыть, успокоиться, поэтому, извинившись, я иду в уборную. Умышленно не делаю это на кухне, потому что первым делом, как захожу в ванную, как маньяк, блядь, собираю с пальцев её вкус и запах... Мне кажется, у меня глаза темнеют от этого, как от высокосортной дури.

Я в зеркало смотрю и реально вижу что-то такое... Нездоровое. В мозгах тут же вспышка проносится, будто по всему телу искрит.

Бля... Как же она на меня влияет.

И чё теперь? Будет делать вид, что ничего не произошло?

Что не она у меня перед глазами впервые вот так залипала. Что не я её трогал? Что не визжала со мной так, будто мы на концерт её любимых «Магоон 5» приехали? Бляяя...

Всё так и получается. Когда прощаемся с родителями после ужина она буквально вытравляет меня за дверь. Не целует в щеку, не обнимает, как обычно, а просто выталкивает, как какого-то ненужного щенка. Поигралась и выгнала.

Жар-птица: «Забудь! Забудь всё, что произошло! Господи, мне так стыдно!»

Солнце: «3.14здец... Дура ты, Милана».

Жар-птица: «Гордей. Теперь есть правила. Не касаемся друг друга, что бы не произошло! Вообще никогда! Спим в одежде! Не обнимаемся. Точка!»

Перевариваю эту информацию всю ночь. Это как отобрать трость у слепого. Как отнять последнюю кость у голодной собаки. Это, блядь, жесткач какой-то.

Как я должен справляться???????

До утра не говорим, пока не заезжаю за ней, как обычно, перед универом. Приходит, здоровается, садится в тачку, как обычно, и делает вид, что всё прекрасно. Всё, как всегда. По-прежнему общается со своим Алёшей, улыбается ему, а я подыхаю в своём маленьком воображаемом мире. Где уже нафантазировал, что вот-вот доломаю её окончательно, что сниму эти оковы, которыми она нас столь бессердечно обвешала, но она, как и всегда, поставила мне шах и мат одной левой.

Сейчас же в этом пустом одиноком доме стоим друг напротив друга и молча занимаемся готовкой. Не прижимаемся, не целуемся. Ничего из этого...

Только периодически смотрим в глаза. В её я нахожу свои. Почти всегда. Они будто зеркалят их. Не знаю, как это возможно...

– Передашь мне перец, – просит она тонким голоском. Слишком вежливо, слишком нежно.

Бойтся меня что ли? Что наброшусь на неё? Я что... Похож на насильника?

– Возьми, – небрежно ставлю перечницу перед её лицом и отворачиваюсь. Иду к плите, достав сковороду.

– Что мы потом будем делать? После того как поедим?

– Не знаю, а чего бы ты хотела?

– Я бы... Как раньше погуляла с тобой. Посмотрела бы фильм... Поиграла бы в приставку. Может даже... – задумчиво говорит она. – Нет... Глупо.

– Давай говори, – улыбаюсь, слушая её фантазии. Мне нравится, как она говорит о нас. Вспоминает такие обычные вещи... Но отчего-то настолько важные, что в груди щемит.

– Сыграла бы, как раньше... В игру...

– Ты ведь боялась со мной играть... Ты боялась лет с пятнадцати...

Примерно с девяти мы вдвоём играли в игры на слабо. Просто заставляли друг друга делать разное. Если кому-то что-то было слабо, другой придумывал наказание... Но очень скоро мои наказания стали фонить телесными прикосновениями к Миланке. Она почти сразу просекла эту фишку... Я стал бесстыдно пользоваться. Трогать, гладить, жать её везде, где мне хотелось. Вот и перестала играть со мной... Под предлогом простой позиции. «Разонравилось».

– Не то, чтобы боялась. Скорее стеснялась. Ты... В свои пятнадцать ты изменился.

– Я просто вырос. В пубертатном смысле. Я не менялся. Не по отношению к тебе. Я всегда знал, чего хочу. Просто моё тело стало иначе на тебя реагировать.

– Ну вот ты опять! – душнит она снова.

– Что?

– Загоняешь меня в краску! – выкидывает она, отвернувшись к своей доске с картошкой.

– Это тоже нормально, Милана. Нам не по десять лет. Мы разговариваем о таком и это естественно. То, что случилось тогда... У тебя на кухне...

– Стой! – она резко разворачивается и затыкает меня с разгневанным выражением лица, и я только сейчас замечаю, что держит в руке нож. Маньячка блин. – Только попробуй сказать

это вслух. Только рискни, Гордей! Мы забыли это! Мы забыли! – повышает она голос, на что я усмехаюсь и мотаю головой.

– Нет... Это ты забыла... А я трогал тебя... Бляяядь, как я тебя трогал... – восторженно говорю я, смакуя каждое воспоминание. – Я только тебя мог так трогать... Думал, трахну тебя прямо там... Как нельзя в первый раз. Вот в той самой позе на столе.

– Гордей, замолчиинии!!!! – с криком говорит она, сжимая нож сильнее. Её всю трясёт, будто она белены объелась. Того и гляди сейчас пена изо рта пойдёт.

– Что? Пырнёшь меня им? Серьёзно? Ну, давай, Жарёха, не стесняйся...

– Какая же ты сволочь! – выпаливает она с яростью.

– Сволочь, которая ласкала тебя... И тебе это нравилось... Ты стонала, визжала, текла. Ты была такой мокрой для этой сволочи, что я ещё сутки ощущал тебя на своих руках... – шепчу с улыбкой, но перегибаю, и она снова бросается на меня, но нож из кулачка выпускает. Ловлю её на руки, прижимая к себе и просто балдею от её глупости или же наоборот прошаренности. – Как же тебя легко спровоцировать. – смеюсь я, обхватив её хрупкое тело, и мы с ней падаем на небольшой диванчик между кухней и гостиной. Она оказывается на мне. Я удерживаю её и дважды остро врезаюсь своим пахом между её ног, пока она истерически на мне ёрзает.

– Ах ты сволочь... Ты специально это сделал?! Специально!? Отпусти меня, Гордей! Не смешно!

– Отпущу, если осознаешься, что тебе было хорошо тогда...

– Ни за что!

– Господи, Милана... Да это любому идиоту понятно. Одна ты это произнести вслух боишься. Тебе даже психолог не поможет. Только я смогу это исправить. Только я и этот дом, – сжимаю её талию сильнее. Практически до хруста. Впитываю запах волос. – Мы справимся, малыш... Ты поймешь всё сама.

– Отпусти, маньяк, блин!

– Сама-то... с ножом тут стояла, как ёбанная Кэрри, реально!

– Придурок, – психованно цедит она, и я слышу бешенный стук её сердца.

Как же я её люблю... Господи. Эта любовь просто нездоровая.

Если она уйдёт из этого дома, я скинусь с обрыва. Я точно больше не смогу жить. Говорю, как слабак, но в последний раз без неё в меня будто граната залетела. Я не хочу больше ощущать это... Но и терпеть её френдзону и Алёшу я больше не намерен.

– Я тебя никому не отдам... Жарёха моя... – обрамляю ладонями её лицо, направляя испуганный девичий взгляд на себя. – Только я буду тебя жарить. Только я...

– Замолчи, – шепчет она в мои губы. – Хватит. Играем.

– Хер с тобой, Ланка. Жги.

– Слабо не касаться меня? – выдаёт она, будто испугала. Смотрит таким волевым взглядом, что я вот прямо здесь и сейчас рассмеяться готов.

Если скажу «не слабо» – придётся терпеть.

А если сознаюсь в «слабо», тогда она придумает наказание вообще себя никогда не касаться. И что самое классное в этой игре, «не слабо» действует только до завтрашнего утра. Потом всё обнуляется. Мы всегда так играли. Иначе замучили бы друг друга своими желаниями.

– Не слабо, – выдаю и тут же вылезаю из-под неё, поправляя свои джинсы, а она победно улыбается. На что я расплываюсь в ухмылке.

– Ну всё, Жарёха. Готовься снимать трусы, девочка-ниндзя... Завтра загадываю я...

Глава 4.

А с ниндзя спишь?

Жар-птица.

Зачем я только предложила это?

Подсознание...

Это оно?

Как это работает?

Сама же плету паутину, как Мадагаскарский паук, а потом удивляюсь, почему всё выходит из-под контроля.

«Ну всё, Жарёха. Готовься снимать трусы, девочка-ниндзя... Завтра загадываю я».

– Я надеюсь, мы не дойдём до таких пошлостей? Ты ведь уважаешь меня, правда? Хотелось бы верить, – излишне давлю на его совесть заранее, но Гордей лишь ухмыляется сказанному.

– Чересчур уважаю, недотрога. Иначе давно бы взял. И без спроса. Ты бы и опомниться не успела...

– Угу, – отвечаю смазанно и ухожу в сторону кухни. – Где у тебя лук?

Пытаюсь, как могу перевести тему... Потому что, если так пойдёт дальше, закончится плохо, как и всегда...

– Внизу. Возле раковины. Справа, – твердит он, и я наклоняюсь, чтобы достать. Однако никакого лука там не вижу.

– Ты уверен?

– Ага, – раздаётся сзади и только через минуту поисков, я оборачиваюсь.

Этот говнюк держит луковицу в руке, филигранно подбрасывая в воздухе, и пялится на мою задницу.

– Вот ты засранец! – психованно вырываю у него головку. – Озабоченный!

– Всю жизнь бы любовался, – улыбается он и ухом не ведёт в ответ на мои возмущения. – И осторожнее давай. Не касайся меня лишний раз. А то сама же лезешь на рожон. Провоцируешь.

– Да пошёл ты! – озлобленно выдаю я, достав нож.

Гордей смеётся. Дальше готовим молча. Держу в голове каждый наш с ним такой контакт. Помню всё до мельчайшей детали. В том числе, как сидела на кухонном столе родительского дома с широко разведенными ногами и получала свой первый оргазм с парнем. С ним... С Гордеем.

Боже мой, как мне было стыдно потом...

Но вместе с тем, чертовски... Просто невероятно волшебно.

Я даже не думала, что так бывает. Что тело может настолько реагировать на другого человека.

И что будет реагировать именно на Гордея. Если задуматься – это ужасно.

Я ощущаю себя неправильной. Ведь мы всё детство провели вместе.

Но с другой стороны, мы ведь не связаны кровью. Мы просто друзья...

Вот именно, Милана! Вот именно! Друзья! А друзья не мацают друг друга, как только гаснет свет. Не лезут под одежду, как только она чуть задралась и уж тем более не кончают от ласк друг друга, как это делали вы с ним!

Какой же всё-таки ужас!

Мне кажется, Гордей замечает, что я краснею, потому что странно на меня поглядывает.

Когда ужин готов, мы с ним садимся есть друг напротив друга.

– Вкусно, – говорю, пробуя мясо. Он всегда делает его так сочно, что я ем говядину только в его исполнении. Никто, даже мама, не может его переплюнуть. Это уже традиция. Поэтому, когда я предлагаю ему приготовить, я заранее рассчитываю на то, что мясо будет жарить он. – Приятного аппетита...

– И тебе, Жарёха... Хитрая ты конечно. До сих пор не понимаю, как ведусь...

– О чём это ты?

– Да обо всём. Ты же меня как пластилин мнёшь, – заявляет он, улыбаясь. Не похоже, что это доставляет ему какие-то неудобства, судя по хитроумному выражению лица. Скорее, он гордится этим.

– Глупости какие, – отмахиваюсь, покрывшись мурашками, а дальше мы ужинаем в тишине. Оттого и смена погоды на улице чувствуется гораздо сильнее. Слышу, как за окном накрапывает дождик. Становится пасмурно и очень хмуро. Небо полностью затягивает серыми тучами.

Мою посуду, Гордей помогает. По-прежнему не касаемся друг друга, только словестно благодарим за трапезу.

Затем я начинаю изучать дом, а он просто наблюдает за мной. Повсюду много интересных вещей. Какой-то антиквариат. Мне всегда нравилось такое. Подсвечники, бра, вазы, старинная расписанная посуда. Письма, блокноты, дневники.

Кроме того, у владельца шикарная библиотека.

Как-то давно мы с Гордеем играли в предсказания. Недолго думая, сую ему в руки первую попавшуюся книгу. Сборник произведений Оскара Уайльда. Он молча подхватывает идею и выжидательно смотрит на меня.

– 88 страница, 7 строчка сверху, – бросаю я, задумавшись.

– В доме, где живут люди с каменными сердцами, никогда не будет тепло, – читает он с ухмылкой на лице. – Знаешь, а ведь опять совпало, дорогуша... Точно про тебя.

– И ничего не совпало! Я никогда не имела вместо сердца камень! – рывкаю в ответ излишне грубо.

– И всё равно с тобой холодно... – заключает он, пожимая плечами.

– Тебе со мной холодно? – спрашиваю дрожащим голосом.

Сама не знаю, почему он таким становится. Я не хочу, чтобы он мёрз со мной, даже образно. Мне не нравятся его слова. Они ранят меня.

– Извини. Я не это имел в виду. Естественно, мне с тобой тепло. Ты ведь моя вторая половина. Но... Хотелось бы, чтобы ты была со мной настоящей.

– Я настоящая, Гордей! – отвечаю твёрдо и несколько истерично.

– Нет... Вовсе нет, – мотает он головой. – Если честно... Я не хочу даже поднимать эту тему, потому что ты не готова... Не готова сказать мне правду, – Гордей передают ту же книгу мне. – 147, 5 снизу... – цедит, глядя на меня, и я опускаю взгляд, перелистывая страницы.

– Что проку в дружбе, если нельзя сказать всё, что думаешь? – читаю я, и понимаю, что он заранее подсмотрел, что выбрать... Закрываю её. – Так нечестно!!!

– Я пошёл в комнату, – звучит тоскливый баритон, а потом он просто уходит и оставляет меня там в одиночестве.

Сначала я немного читаю в уютном мягком кресле.

А потом тоже направляюсь в свою комнату.

Телефоны мы с Гордеем не брали. Он запретил. Мы выключили их и спрятали в нашем старом заброшенном сарайчике, недалеко от школы, в которой учились.

Очень скоро дождь расходится настолько, что я ныряю под одеяло и с ужасом смотрю, как потоки воды застилают стекла. Он барабанит по крыше, создавая монотонный гул.

Я же пытаюсь уснуть, но неожиданно грохочет гром, раскаты молнии накрывают пространство, свет повсюду гаснет, а у меня чуть ли не сердце останавливается от страха.

Я лежу в постели около минуты, стараюсь справиться с неистовой дрожью, а потом не выдерживаю и на всех скоростях бегу в соседнюю комнату к своему персональному мучителю.

Даже не стучась, забегаю внутрь и приклеиваюсь к кровати Гордея, зависая перед ним в жуткой тревоге.

Тишина. Молчание... Слышу только бешенный стук своего сердца.

Гордей молча отодвигает одеяло и даёт мне место спереди, а я, недолго думая, ныряю к нему в тёплую постель, прижавшись к горячему торсу спиной.

Солнце обнимает, укутывает, греет.

Защищает.

За секунду я чувствую себя в безопасности.

Только рядом с ним такое возможно.

– Свет вырубился, я испугалась, – оправдываюсь, обхватив его руки своими.

– Завтра посмотрю. Спи... – успокаивает он, поглаживая меня.

– Ты теперь... Придумаешь мне наказание? За то, что сломала твоё «не слабо»? – шепчу, нахмурившись.

– Нет. Всё в порядке. Я бы и сам сломал, если бы ты не пришла, – смеётся он мне в ухо, а у меня по телу скачет табун мурашек от этого приятного бархатного смеха. Такого родного, что можно слушать бесконечно. – Знаю ведь, как ты боишься грома...

– Ничего я не боюсь! – лгу, не краснея.

– Как скажешь, – Гордей вдыхает запах моих волос, жмёт меня к себе сильнее, и я ощущаю его возбуждение, как часть своего собственного тела. Он настолько близко, что некуда отстраниться. Между ног в секунду вспыхивает пожар.

– Аааа... Ах, – издаю непонятный несдержанный стон, пока он хихикает сзади.

– Какая же ты смешная, Жарёха... Я с тебя балдею.

– А я с тебя. Давай завтра не будем ругаться? Пожалуйста... Очень тебя прошу...

– Если покажешь сиськи, – отвечает он, и я тут же недовольно цокаю и пытаюсь уползти от него, но его горячая сильная рука уже обвивает мой живот, и чем сильнее я копошусь, тем сильнее допускаю наш контакт голой кожей.

Какие же приятные у него руки. Я даже в темноте знаю, как они выглядят. Наизусть помню. Каждый волосок. Каждую родинку. Каждый рельеф. Сильные широкие шероховатые ладони с выступающими на кистях венами. Сбитые костяшки, длинные привлекательные пальцы... Мммм...

Которые совсем недавно трогали меня там...

От этих грязных мыслей непроизвольно шевелюсь и извиваюсь ещё сильнее, чем уже провоцирую нас обоих на эмоциональный взрыв.

– Угомонись, Наруто... Хватит!

– А ты хватит пошлить! И не называй меня так! – выпаливаю гневно. – Порой я просто тебя не выношу!

– Знаешь, я тоже...

– Вот и прекрасно! Засыпай лучше! – психую показательно.

– Не могу. Чувствую твои мурашки под пупком... И сейчас кончу.

– Гордей!

– Милаааанаааа... – выдыхает он мне в ухо. А меня словно парализует... Господи...

Что это сейчас было???

Подбородок дрожит, глаза закатываются от блаженства.

Он сжимает кожу чуть ниже моей талии, придерживая за тазовую косточку и совершает поступательное движение бедрами. Имитирует секс. Играет со мной.

А у меня сейчас инфаркт случится.

Задыхаюсь.

Хочу ухватиться хоть за какую-то соломинку.

Сама ведь пришла. Сама легла. Сама позволила обнимать. Как и всегда. Но не могу я быть вдали от него. У меня будто все струны внутри натягиваются и вот-вот разорвутся с неприятным громким "дзын", если мы не будем сокращать образовавшееся между нами расстояние. Дистанция – явно не наше. Она нас убивает.

– Прошу тебя, давай остановимся... Гордей, я не могу. Я не хочу... – шепчу в полубреду, пока наше возбужденное дыхание и гул дождя заполняют комнату.

– Как скажешь, – произносит он сзади и чуть переворачивается на спину, выпуская меня из капкана своих рук.

Громко дышит и смотрит в потолок.

Понимаю, что поступаю с ним плохо, веду себя странно, глупо, по-детски.

И то, что мы здесь вдвоём. Без родителей, без кого-либо другого, должно пугать. Но я верю ему настолько, что не боюсь. Верю, как самой себе. Я знаю, что он не тронет меня, если закричу и остановлю. Знаю, что никогда не сделает больно физически. Я его знаю. Знаю нас. Он никогда так со мной не поступит.

– Мы можем немного поболтать? Может мне удастся уснуть? – прошу его всё так же шёпотом.

– Можем... Заводи шарманку, – отвечает издевательски.

– Ты правда тогда хотел бы сильнее меня обидеть? В первый день знакомства? – спрашиваю, и он чуть отстраняется, на что я оборачиваюсь, и наши глаза встречаются в темноте комнаты.

Лишь тонкая полоска лунного света, выглядывающая между клубьями густых туч даёт слабую возможность что-то разглядеть, но... Его глаза... Я вижу их блеск даже в этом мраке.

Я узнаю их из тысячи...

Отыщу этот омут и окунусь в него с головой.

– Естественно, нет, Милана. Я хотел тебя защищать. Почти сразу как понял, что ты – ниндзя, – отвечает он со смешком, но потом вдруг продолжает уже серьёзно. – Нет... На самом деле не так. Просто сразу понял, что ты особенная для меня.

– Знаешь, я тоже. Сразу поняла, что ты особенный. Иногда мне кажется, что мы уже были знакомы... Ну, в прошлой жизни.

– И ты всё равно отрицаешь чувства... – обиженно выдаёт он.

– Я не отрицаю чувства! Ты самый дорогой мне человек. Ты – моя семья. Мне будет плохо, если ты меня бросишь...

– Но вместе с тем, ты меня не любишь...

– Конечно люблю, но... Я не... Мы не должны... Это ведь совсем другое... – теряюсь я, пытаюсь найти нужные слова.

– Другое, малыш, это когда сухо как в пустыне... – тянет порывисто.

– А? – спрашиваю, не понимая, о чём он.

– Да забей. Не важно, – вздыхает, прижимая меня к себе чуть сильнее. – Скажи мне честно. У тебя ведь с ним не было ничего... Кроме поцелуя? Правда?

– Господи. Ну и вопросы!

– Милана! – его голос тут же меняется. Он произносит моё имя с такой грубостью, что мне становится холодно и страшно.

– Нет, конечно нет! Ты ведь меня знаешь. Зачем спрашиваешь такое?!

– Очевидно, потому что хочу услышать это из твоих уст, не думаешь?! Меня пиздец трясёт, когда вспоминаю. Тот вечер и ту нашу ссору. Если бы ты не согласилась поехать в дом... Я бы навсегда исчез из твоей жизни, – напоминает он, на что мне остаётся только грустить и нервничать. Ведь, когда он ушёл, сердце моё сходило с ума в агонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.